Дата поступления рукописи в редакцию: 20.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-228-233
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

ШАЙДУЛЛИНА Венера Камилевна,
доцент юридического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, доцент кафедры мировых финансовых рынков и финтеха Высшей школы финансов Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, кандидат юридических наук; ORCID 0000-0002-2716-9282, e-mail: vk.shaydullina@gmail.com

СПОСОБЫ ПОСТРОЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ В ОБОРОТЕ ЦИФРОВЫХ (ВИРТУАЛЬНЫХ) АКТИВОВ

Аннотация. *Гражданско-правовой результат операции с цифровым (виртуальным) активом зависит от того, определимо ли лицо, обязанное перед обладателем актива. В статье сопоставлены два способа построения обязательственных связей между обладателем и профессиональной инфраструктурой оборота: распределение обязанностей между специализированными участниками и сосредоточение их у одного поставщика услуг. Проверка проведена по пяти функциям оборота – выпуску и размещению актива, его учету и хранению, обмену, переводу и совершению сделок по поручению клиента. Эмпирическую основу составили реестры Банка России по состоянию на 11 октября 2026 года и материалы специального регуляторного режима Центрального банка Азербайджанской Республики. Установлено, что в Российской Федерации каждая из пяти функций закреплена за участником, определимым по публичному реестру, тогда как в Азербайджанской Республике ни одна из них не обособлена, а каждый из допущенных к тестированию проектов совмещает от двух до трех функций, вследствие чего обязанное лицо устанавливается только из содержания договора. Обоснован вывод о том, что совмещение функций не требует безусловного организационного запрета: оно допустимо, если обязанности разграничены, конфликт интересов предотвращен и по каждому нарушению определимо лицо, отвечающее перед клиентом. Для Российской Федерации предложено уточнить разграничение смежных функций поименованных участников, для Азербайджанской Республики – конкретизировать обязанности внутри общей категории поставщика услуг виртуальных активов, не создавая для каждой функции отдельный вид юридического лица.*

Ключевые слова: *цифровые активы, виртуальные активы, цифровой депозитарий, оператор информационной системы, поставщик услуг виртуальных активов, обязательственная связь, ответственность посредника, совмещение функций, регуляторная песочница, Азербайджанская Республика.*

Для цитирования: *Шайдуллина В. К. Способы построения обязательственных связей в обороте цифровых (виртуальных) активов // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 228–233.*

SHAYDULLINA Venera K.,
Associate Professor of the Faculty of Law of the State Academic University for the Humanities, Associate Professor of the Department of World Financial Markets and Fintech of the Higher School of Finance of the Plekhanov Russian University of Economics, Candidate of Juridical Sciences

WAYS OF STRUCTURING THE OBLIGATIONAL LINKS IN THE CIRCULATION OF DIGITAL (VIRTUAL) ASSETS

Annotation. *The civil-law outcome of a transaction in a digital (virtual) asset depends on whether the person owing a duty to the holder of the asset can be identified. The article compares two ways of structuring the obligational links between the holder and the professional infrastructure*

of circulation: the distribution of duties among specialised participants and their concentration in a single service provider. The assessment covers five functions of circulation – the issue and placement of an asset, its accounting and custody, exchange, transfer, and the conclusion of transactions on a client's instructions. The empirical basis comprises the registers of the Bank of Russia as of 11 October 2026 and the materials of the special regulatory regime of the Central Bank of the Republic of Azerbaijan. In the Russian Federation each of the five functions is attached to a participant identifiable from a public register, whereas in the Republic of Azerbaijan none of them is separated and each project admitted to testing combines from two to three functions, so that the obligated person can be established only from the content of the contract. It is argued that the combination of functions requires no unconditional organisational prohibition: it is admissible where duties are delimited, a conflict of interest is prevented and, for every breach, the person answerable to the client is identifiable. For the Russian Federation it is proposed to clarify the delimitation of adjacent functions of the named participants, and for the Republic of Azerbaijan to specify the duties within the general category of a virtual asset service provider without creating a separate type of legal entity for each function.

Key words: *digital assets, virtual assets, digital depository, operator of an information system, virtual asset service provider, obligational link, liability of an intermediary, combination of functions, regulatory sandbox, Republic of Azerbaijan.*

For citation: *Shaydullina V. K. Ways of structuring the obligational links in the circulation of digital (virtual) assets. Russian scientific bulletin. 2026;(11):228–233. (In Russ.).*

Вопрос о субъектном составе оборота цифровых (виртуальных) активов обычно решается через перечень специальных статусов: закон называет профессиональных участников и устанавливает требования к их деятельности. Для гражданского права, однако, существеннее другое. Обладатель актива вступает не в отношения со статусом, а в обязательственную связь с конкретным лицом, и при нарушении ему необходимо установить, кто именно обязан перед ним и за что отвечает. Проблема правового режима цифровых объектов обсуждается в отечественной науке преимущественно со стороны объекта [1; 2], а различие моделей регулирования оборота цифровых прав и цифровой валюты описывается через степень включенности актива в гражданский оборот [3]. Настоящая статья рассматривает оборот со стороны обязательственной связи и проверяет, определимо ли обязанное лицо в каждом из двух сопоставляемых правопорядков.

Цифровой оборот не порождает новых субъектов гражданского права: его участниками выступают уже известные правопорядку лица, которые наделяются специальным статусом в зависимости от выполняемой функции. Способов построения обязательственных связей существует два. Обязанности либо распределяются между специализированными участниками, и тогда обладатель актива вступает в несколько специализированных связей, либо сосредоточиваются у одного поставщика услуг, и тогда обладатель вступает в одну связь комплексного содержания. Различие между названными способами не сводится к организационному удобству: от него зависит, кто обязан перед клиентом и какую ответственность несет.

Различие проявляется прежде всего в том, откуда берется содержание обязанности. При распределении обязанностей между специализированными участниками специальный статус несет нормативное ядро, установленное помимо воли сторон. Статья 23 Федерального закона от 4 августа 2026 года № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах» выделяет договор цифрового учета и договор о предоставлении доступа к адресу-идентификатору, требует для них письменной формы и делает утвержденные депозитарием условия осуществления деятельности неотъемлемой частью договора. Статья 20 того же Федерального закона возлагает на цифровой депозитарий ответственность за ненадлежащий учет и доступ, включая убытки от неправомерного распоряжения активами. Статья 25 обязывает его ежедневно сверять количество учитываемых активов и отделять учитываемые по клиентским счетам цифровые валюты и цифровые права от собственных активов. Обладателю актива, следовательно, не требуется выводить содержание обязанности из текста соглашения: значительная его часть предустановлена законом и связана со статусом контрагента. При сосредоточении обязанностей у одного поставщика услуг тот же результат достигается только договором, а при его неполноте – общими нормами обязательственного права, которые не учитывают особенностей цифрового объекта.

Проверка проведена по пяти функциям оборота: выпуску и размещению актива, его учету и хранению, обмену, переводу и совершению сделок по поручению клиента. Названные функции выбраны потому, что каждая из них создает самостоятельный имущественный риск для обладате-

ля и потому нуждается в определенном лице, обязанном перед обладателем. По каждой функции устанавливалось, обособлена ли она в самостоятельный правовой статус и можно ли установить обязанное лицо до возникновения спора, то есть из публично доступного источника, а не из содержания конкретного договора.

Эмпирическую основу составили реестры Банка России по состоянию на 11 октября 2026 года и материалы специального регуляторного режима Центрального банка Азербайджанской Республики [4; 5; 6]. Российские реестры фиксируют 25 операторов информационных систем, 5 цифровых депозитариев и 8 организаций, осуществляющих обмен цифровых валют, а также традиционных профессиональных участников, способных обслуживать оборот, включая 247 брокеров и 8 организаторов торговли. Инфраструктура растет: на конец 2025 года в реестре состояло 19 операторов информационных систем, то есть прирост за неполные десять месяцев 2026 года составил 31,6 процента, а объем размещений за 2025 год достиг 1,65 триллиона рублей при 2007 выпусках. Азербайджанский рынок проходит стадию отбора: из 35 заявок двух завершенных циклов специального режима к тестированию допущено 8, то есть 22,9 процента, причем 5 из 8 допущенных проектов связаны с виртуальными активами. Пределы доказательной силы данных специального режима учитывались: систематический обзор эффективности регуляторных песочниц показывает, что их результаты отражают поведение допущенных участников, а не рынка в целом [7]. Общая характеристика азербайджанского цифрового платежного рынка приводится по отраслевым исследованиям [8].

Результаты проверки приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Лицо, обязанное перед обладателем цифрового (виртуального) актива, по функциям оборота

Функция оборота	Обязанное лицо в Российской Федерации	Обязанное лицо в Азербайджанской Республике	Источник сведений об обязанном лице
Выпуск и размещение актива	Оператор информационной системы (25 в реестре)	Поставщик, соединяющий выпуск с предложением актива пользователям («ПортКоин»)	Реестр – в Российской Федерации; условия проекта – в Азербайджанской Республике
Учет и хранение актива	Цифровой депозитарий (5 в реестре)	Поставщик, соединяющий хранение с обменом и переводом («БИТАЗН», «КриптоБрокер»)	Реестр – в Российской Федерации; договор – в Азербайджанской Республике
Обмен актива	Организация, осуществляющая обмен цифровых валют (8 в реестре)	Тот же поставщик в составе комплекса услуг	Реестр – в Российской Федерации; договор – в Азербайджанской Республике
Перевод актива	Цифровой депозитарий, администрирующий адрес-идентификатор	Поставщик, соединяющий перевод с конвертацией («м10», «ПортКоин»)	Закон и реестр – в Российской Федерации; условия проекта – в Азербайджанской Республике
Совершение сделок по поручению клиента	Брокер (247 в реестре)	Поставщик, осуществляющий посредничество внутри общего договора («КриптоБрокер»)	Реестр – в Российской Федерации; договор – в Азербайджанской Республике
Итого функций, обособленных в самостоятельный статус	5 из 5	0 из 5	–

Источник: составлено автором по реестрам Банка России и реестру специального регуляторного режима Центрального банка Азербайджанской Республики.

Различие оказывается не количественным, а структурным. В Российской Федерации все пять функций закреплены за участниками, определимыми по публичному реестру: обладатель актива знает обязанное лицо до того, как возникнет спор, и предъявляет требование лицу, статус которого установлен законом. В Азербайджанской Республике ни одна из пяти функций не обособлена в самостоятельный статус. Каждый из допущенных к тестированию проектов совмещает от двух до трех функций: биржа «БИТАЗН» оказывает услуги обмена, перевода и хранения; «Юникапитал» совместно с «КриптоБрокером» обеспечивает покупку, продажу и хранение виртуальных активов; «ПортКоин» соединяет перевод активов из внешней инфраструктуры с конвертацией в манаты; интеграция приложения «м10» с международной платформой тестирует пополнение и вывод средств. Обязанное лицо в названных случаях устанавливается не из реестра, а из содержания договора с поставщиком услуг.

Практическое значение определимости обязанного лица до возникновения спора удобно показать на примере убытков, возникших при переводе актива. При распределении обязанностей обладатель адресует требование депозитарию, администрирующему адрес-идентификатор, и спор сводится к вопросу о том, находилась ли причина распоряжения в сфере контроля названного участника. При их сосредоточении обладатель адресует требование поставщику услуг,

однако прежде должен определить, в какой части его деятельности возникла причина: при хранении актива, при исполнении поручения, при обмене или при переводе. Различие в формулировке предмета доказывания оборачивается различием в фактическом объеме защиты, поскольку сведения о внутреннем устройстве инфраструктуры находятся у поставщика, а не у клиента. Определимость обязанного лица поэтому является не техническим удобством, а условием исполнимости требования.

Отсюда не следует вывод о порочности сосредоточения обязанностей. Совмещение обменной, учетной, хранительной и посреднической функций широко распространено и за пределами обоих правопорядков, а сравнительные исследования депозитарного хранения цифровых активов показывают, что качество защиты клиента определяется не числом юридических лиц, а ясностью распределения прав на актив и рисков посредника [9]. Эмпирическая проверка договорной терминологии платформ подтверждает названный вывод с обратной стороны: сама по себе она нередко не дает клиенту представления о его имущественном положении [10]. Положение хранителей в состоянии финансового неблагополучия показывает, к чему приводит неопределенность: при недостаче активов клиенту важно не наименование статуса контрагента, а возможность установить, кто отвечает за сохранность и из какого имущества требование будет удовлетворено [11].

Порок сосредоточения обязанностей состоит поэтому не в совмещении как таковом, а в двух его последствиях. Первое касается конфликта интересов: поставщик, который одновременно исполняет поручение клиента и выступает другой стороной сделки, принимает решение в условиях расхождения собственного и клиентского интереса. Второе касается определимости обязанного лица: при комплексном договоре нарушение, произошедшее при хранении, внешне неотличимо от нарушения, произошедшего при обмене или переводе, вследствие чего клиенту приходится доказывать не только факт убытков, но и то, в какой именно части деятельности поставщика возникла их причина. Защита слабой стороны в цифровой среде требует устранения именно названной неопределенности, а не умножения организационных запретов [12; 13].

Конфликт интересов при совмещении функций устраняется средствами гражданского права, а не организационным разделением. Поставщик, соединяющий исполнение поручения клиента с собственной позицией в сделке, обязан раскрыть собственный интерес до совершения операции, исполнить поручение клиента прежде собственного и вести раздельный учет клиентских и собственных активов, позволяющий установить, за счет какого имущества операция совершена. Названные обязанности знакомы праву профессиональных участников финансового рынка и не требуют изобретения специальных конструкций для цифрового оборота. Их перенос в режим поставщика услуг виртуальных активов дает тот же результат, что и организационный запрет совмещения, но без издержек дробления деятельности, которые для формирующегося рынка оказались бы непропорциональными.

Предлагаемое правило состоит в следующем. Совмещение функций допустимо, если выполнены три условия одновременно. Обязанности по каждой функции разграничены в договоре и в правилах поставщика услуг с указанием предмета, момента исполнения и оснований ответственности. Конфликт интересов предотвращен организационными и договорными средствами, включая раскрытие собственного интереса поставщика и приоритет поручения клиента. По каждому нарушению определимо лицо, отвечающее перед клиентом, причем бремя установления той части деятельности, в которой возникла причина убытков, возлагается на поставщика услуг как на лицо, контролирующее соответствующую инфраструктуру. Третье условие является решающим: оно переводит вопрос из плоскости организационной структуры в плоскость доказывания и потому применимо к обеим моделям.

Распределение обязанностей также не свободно от затруднений. Специализация статусов создает смежные зоны, в которых функции соприкасаются: учет и предоставление доступа к адресу-идентификатору, обмен и исполнение поручения клиента, размещение актива и ведение информационной системы. Когда нарушение происходит в смежной зоне, множественность связей превращается из преимущества в затруднение, поскольку обладателю приходится определять, к кому из нескольких участников обращено его требование. Поэтому для Российской Федерации целесообразно уточнить разграничение смежных функций поименованных участников и установить, что при неясности распределения обязанностей перед клиентом отвечает участник, в инфраструктуре которого совершено юридически значимое действие. Своеобразие защиты цифровых прав по сравнению с вещно-правовыми способами делает названное уточнение особенно существенным [14].

Для Азербайджанской Республики предложение состоит в конкретизации обязанностей внутри общей категории поставщика услуг виртуальных активов. Создавать для каждой функции отдельный вид юридического лица не требуется:

достаточно связать с каждой функцией определенный состав обязанностей перед клиентом – предмет основной обязанности, способ учета и доступа, порядок распоряжения, момент исполнения, правила возврата или перевода актива и ответственность за его утрату либо неправомерное распоряжение. Необходимость такого шага подтверждается и азербайджанской литературой: учет обменных операций с виртуальными активами нуждается в нормативной определенности [15], а общие начала осуществления прав и исполнения обязанностей, равно как и принцип добросовестности, способны восполнить содержание отношения, но не способны заранее указать обязанное лицо [16].

Условия тестирования показывают, каким способом задача решается сейчас. Бирже «БИТАЗН» в период тестирования был запрещен вывод виртуального актива за пределы платформы. Названное ограничение сужает возможность передачи актива, но делает операции наблюдаемыми, а риски контролируемыми, то есть достигает определенности средствами допуска, а не средствами обязательственного права. Подобное решение оправданно для ограниченного эксперимента и непригодно для общего режима: оно обеспечивает контроль над операцией, но не отвечает на вопрос, кто обязан перед клиентом, если операция все же совершена ненадлежащим образом. Переход от эксперимента к общему регулированию поэтому предполагает замену ограничений допуска определенностью обязательственной связи.

Существенно, что ни одна из моделей не является окончательно сложившейся. Российская инфраструктура переходит от действующих операторов информационных систем к новым специальным статусам, причем активную деятельность на конец 2025 года вели 13 операторов из 19, то есть 68,4 процента состоявших в реестре. Азербайджанская инфраструктура переходит от экспериментального тестирования к специальному лицензированию поставщиков услуг виртуальных активов. Выбор способа связать функцию с обязанностью, следовательно, еще не закрыт ни в одном из правопорядков, и именно поэтому критерий определимости обязанного лица целесообразно закрепить до того, как структура рынка окончательно сложится. Закрепленный позднее, он потребует пересмотра уже выданных статусов и заключенных договоров.

Таким образом, распределение обязанностей между специализированными участниками и их сосредоточение у одного поставщика услуг представляют собой не разные уровни развития законодательства, а разные способы построения обязательственных связей. Российский правопорядок дает обладателю определимого контрагента по каждой из пяти проверенных функций и нуждается в уточнении смежных зон. Азербайджанский правопорядок не обособляет ни одной функции и нуждается в конкретизации обязанностей внутри общей категории поставщика услуг. Общим для обоих правопорядков остается критерий оценки: оборот защищен постольку, поскольку по каждому нарушению определимо лицо, отвечающее перед обладателем актива, и поскольку установление части деятельности, в которой возникла причина убытков, не возлагается на клиента.

Список литературы:

[1] Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М.: 4 Принт, 2020. 303 с.

[2] Рожкова М. А. Проблемы установления самостоятельного правового режима для цифровых объектов // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. № 2 (48). С. 146–157.

[3] Зайнутдинова Е. В. Модели правового регулирования оборота цифровых прав и цифровой валюты // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 4. С. 149–182.

[4] Реестр операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов. Банк России. URL: https://www.cbr.ru/vfs/finmarkets/files/supervision/list_OIS.xlsx (дата обращения: 20.10.2026).

[5] Реестр цифровых депозитариев. Банк России. URL: https://www.cbr.ru/vfs/registries/admissionfinmarket/list_cifd.xlsx (дата обращения: 20.10.2026).

[6] Regulatory Sandbox Registry. Central Bank of the Republic of Azerbaijan. URL: https://sandbox.cbar.az/en/registry (дата обращения: 20.10.2026).

[7] Wang Y., Zhou Z. Effectiveness of Regulatory Sandboxes in Financial Services: A Systematic Review // Regulation & Governance. 2026. P. 1–20.

[8] Мамедов З. Ф., Мамедова Ч. Современные тенденции развития цифрового финансового и платежного рынка Азербайджана // Экономика и управление. 2024. Т. 30. № 2. С. 161–169.

[9] Zetzsche D. A., Sinnig J., Nikolakopoulou A. Crypto Custody // Capital Markets Law Journal. 2024. Vol. 19. No. 3. P. 207–229.

[10] Zetzsche D. A., Nikolakopoulou A. Crypto Custody: An Empirical Assessment // Journal of Financial Regulation. 2025. Vol. 11. No. 1. P. 73–97.

[11] Skauradszun D., Kuempel J. Crypto Custodians in Financial Distress // International Insolvency Review. 2023. Vol. 32. No. 3. P. 538–561.

[12] Сергеева О. В. Защита слабой стороны в условиях цифровизации договорных отношений // Журнал российского права. 2024. № 6. С. 37–52.

[13] Волос А. А. Категория «слабая сторона гражданского правоотношения» в условиях цифровизации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17. № 3. С. 84–105.

[14] Блинкова Е. В., Кошелюк Б. Е. Особенности защиты цифровых прав // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2024. Т. 10. № 3 (39). С. 158–173.

[15] Джафаров Э. О., Нифталиев С. Г. Некоторые вопросы регулирования учета криптовалют // Аудит. 2024. № 4 (46). С. 5–19.

[16] Haziyev A. H. Mülki hüquqların həyata keçirilməsi və vəzifələrin icrası // Juridical Sciences and Education. 2024. No. 75. P. 79–86.

References:

[1] Sannikova L. V., Kharitonova Yu. S. Digital assets: legal analysis: monograph. M.: 4 Print, 2020. 303 pp.

[2] Rozhkova M. A. Problems of establishing an independent legal regime for digital objects // Journal of the Court for Intellectual Rights. 2025. № 2 (48). S. 146-157.

[3] Zainutdinova E.V. Models of legal regulation of the turnover of digital rights and digital currency // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2023. T. 16. № 4. S. 149-182.

[4] Register of operators of information systems where digital financial assets are issued. Bank of Russia. URL: https://www.cbr.ru/vfs/finmarkets/files/supervision/list_OIS.xlsx (дата обращения: 20.10.2026).

[5] Register of Digital Depositories. Bank of Russia. URL: https://www.cbr.ru/vfs/registries/admissionfinmarket/list_cifd.xlsx (дата обращения: 20.10.2026).

[6] Regulatory Sandbox Registry. Central Bank of the Republic of Azerbaijan. URL: https://sandbox.cbar.az/en/registry (access date: 20.10.2026).

[7] Wang Y., Zhou Z. Effectiveness of Regulatory Sandboxes in Financial Services: A Systematic Review // Regulation & Governance. 2026. P. 1–20.

[8] Mammadov Z. F., Mammadova C. Current trends in the development of the digital financial and payment market of Azerbaijan // Economics and Management. 2024. T. 30. № 2. S. 161-169.

[9] Zetzsche D. A., Sinnig J., Nikolakopoulou A. Crypto Custody // Capital Markets Law Journal. 2024. Vol. 19. No. 3. P. 207–229.

[10] Zetzsche D. A., Nikolakopoulou A. Crypto Custody: An Empirical Assessment // Journal of Financial Regulation. 2025. Vol. 11. No. 1. P. 73–97.

[11] Skauradszun D., Kuempel J. Crypto Custodians in Financial Distress // International Insolvency Review. 2023. Vol. 32. No. 3. P. 538–561.

[12] Sergeeva O. V. Protection of the weak side in the context of digitalization of contractual relations // Journal of Russian Law. 2024. № 6. S. 37-52.

[13] Volos A. A. Category "weak side of civil legal relations" in the context of digitalization // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2024. VOL. 17. № 3. S. 84-105.

[14] Blinkova E.V., Koshelyuk B.E. Features of the protection of digital rights // Bulletin of Tyumen State University. Socio-economic and legal studies. 2024. T. 10. № 3 (39). S. 158-173.

[15] Jafarov E.O., Niftaliev S.G. Some issues of regulation of cryptocurrency accounting // Audit. 2024. № 4 (46). S. 5-19.

[16] Haziyev A. H. Mülki hüquqların həyata keçirilməsi və vəzifələrin icrası // Juridical Sciences and Education. 2024. No. 75. P. 79–86.